

«Огромная, полная луна висела на небесном своде, ласково дул легкий ветерок, цветы сами собой раскрывались, а ночная тишь была благостной.

«Единомышленник», специальный выпуск о Двенадцатом городе».

Когда я неслась по воздуху на гироскутере, прижимая к груди раненого омегу, в моей голове всплыла цитата с заглавной страницы «Единомышленника», прочитанная в юности. На той обложке был изображен сексуальный омега, и выражение «ночная тишь была благостной» чертовски точно описывало именно ту сцену. Сейчас же «благостность» заключалась в том, что Фэйжуй наконец-то затих.

Фэйжуй сжимал плечо, обливаясь потом. Влажные, липкие пряди волос прилипли к его лицу, глаза были полуприкрыты. Он до крови закусил нижнюю губу и дышал уже прерывисто и мелко. Его всю билла непрекращающаяся дрожь.

Кровь вытекала очень быстро. Она уже промочила одежду у меня на груди и успела капать на платформу гироскутера.

Интересно, не забрызгало ли кого-то из прохожих? И что они подумали бы? Дождь — это слезы Бога, а кровавый дождик — наверное, кашель заболевшего туберкулезом Бога?

От этой ужасной шутки я сама не смогла сдержаться и фыркнула.

Фэйжуй на моих руках услышал этот звук и слабо приоткрыл глаза, глядя на меня.

Я выдавила улыбку и всхлипнула, изображая крайнюю степень переживания и растерянности:

— Все будет хорошо, все будет хорошо! Я что-нибудь придумаю! Потерпи еще немного, совсем чуть-чуть! Скоро будем в больнице!

Фэйжуй от боли не мог выговорить связной фразы. Его окровавленные пальцы судорожно вцепились в мой воротник, на белой шее выступили вены. Он, кажется, что-то пытался сказать, тщетно пытаясь изогнуться и прижаться ко мне.

— Что ты говоришь? Я не слышу! Потерпи, сейчас доедем!

Я делала вид, что смертельно встревожена, но мои глаза внимательно сканировали местность внизу, выискивая больницу, которая выглядела бы не слишком официальной. В нынешней ситуации я не рискнула бы сунуться даже в самую захудалую районную поликлинику — там меня стопроцентно схватят. Единственная проблема сейчас была в Фэйжуне — он, судя по всему, довольно мстительный. Как быть с ним потом?

Подумав немного и не найдя решения, я решила не думать вовсе.

Пожить лишний час — уже хорошо. В конце концов, я уже пробралась в Пятый город. Как гласит поговорка: «Лучше плакать во внутреннем кольце, чем смеяться во внешнем». Плач в первом случае чаще всего ненастоящий, а вот смех во втором — точно фальшивый.

Я продолжала неуверенно лететь по воздуху, по пути встретив еще нескольких таких же пассажиров на гироскутерах и устроив с ними импровизированные гонки на скорость.

Время тянулось долго. А может, и не очень.

Я следила за алым пятном, расплывавшимся на плече Фэйжуя, пытаюсь по нему определить, сколько прошло времени. И тут я вспомнила: а не стоит ли сначала остановить кровь? Коснувшись его плеча, я почувствовала ледяной холод. И наконец разобрала, что же он бормотал все это время сквозь стоны: «Холодно... так холодно...».

И правильно, что холодно. Не пройдешь сквозь лютый мороз — не насладишься ароматом цветущей сливы!

Видимо, из-за того, что сегодня я и вправду пережила слишком много всего, мой мозг окончательно вышел из-под контроля.

— Фэйжуй, давай сначала остановимся, я сразу же остановлю кровь, не волнуйся, — я крепче прижала его к себе, резко остановила гироскутер и припарковалась в укромном месте, начав рвать на себе одежду. После нескольких отрывистых звуков рубашка, стоявшая когда-то девять фунтов и пятнадцать пенсов, превратилась в лоскуты, которыми я туго перетянула его плечо.

— Больно... как больно... а-а-а! — Фэйжуй запрокинул голову, дыхание его стало прерывистым, а голос хриплым и пронзительным. — Больно!

Я похлопала его по спине, тихо приговаривая:

— Потерпи, потерпи, сейчас все перевяжем.

От боли сознание Фэйжуя прояснилось. Его лицо было белым как полотно, и он смотрел на меня темным, тяжелым взглядом. Должно быть, он ненавидел меня всей душой, но леденящий холод от потери крови заставлял его инстинктивно жаться ко мне, а его руки почти пролезли под мою одежду. Я взяла его запястье и перекинула его руку себе на плечо, а затем накинула на него свою куртку.

Он тут же прильнул ко мне, обвив руками, но все же пытаюсь устоять на ногах.

Голова Фэйжуя лежала у меня на плече, одна его рука поползла к моей пояснице, а голос, прерываемый дрожью, шептал:

— ...Холодно... больно... э-эх... мы еще не приехали? Так плохо... плохо...

Мне ничего не оставалось, как обнять его за талию и поставить обратно на гироскутер.

Мы снова взмыли в воздух. Ветер обдувал нас, и Фэйжуй съёжился, стараясь притиснуться ко мне еще теснее. Мы прижались друг к другу вплотную, и его мучительные стоны не прекращались — он только постоянно повторял: «больно», «холодно», «плохо». Проблема в том, что боль не передается по воздуху словами. Все, что я чувствовала — это судорожно дергающееся тело под боком и его ледяную кожу.

Пролетев еще минут десять, я наконец увидела довольно обшарпанную на вид маленькую клинику.

Я быстро вбежала внутрь с Фэйжуем на руках и принялась колотить в дверь.

— Потихе там, что за шум, — недовольно открыл дверь врач. — Что случилось?

Я опустила некоторые детали, просто сказав, что он случайно получил ножевое ранение в плечо. Врач бросил на меня понимающий взгляд и фыркнул.

— Такое не лечим. Анестезиолог ушел, да и анестетики кончились, — заявил он. — Давайте так, я позвоню в больницу уровнем выше, пусть вас заберут.

— Простите, доктор, я, конечно, не разбираюсь в медицине, но я вижу на полке флакон с надписью «Анестетик», — возразила я.

— Этот не подходит. Он для проверок, — отрезал врач. — Если мы вам его вколем, а потом нагрянет внезапная инспекция — нам потом несдобровать.

Какая ностальгическая атмосфера. Прямо как дома, в Двенадцатом городе.

Фэйжуй на моих руках дрожал от боли. Он, наверное, и так долго терпел меня, а тут еще и этот врач появился... В общем, его терпение лопнуло. Он повернул голову и прошепел:

— Можете побыстрее?!

Ц-ц-ц. Что же вы, сливки общества, даже ругаться-то по-настоящему не умеете?

Будь на его месте я, я бы уже каталась по полу в истерике с плакатом в руках.

Врача этот крик явно не испугал. Он просто окинул Фэйжуня оценивающим взглядом и сказал мне:

— Успокойте своего партнера. Ситуация такова, что мы можем только перевести в больницу выше. А если я начну операцию сейчас, вам будет еще больнее.

— Тогда оперируйте. Сейчас же, — Фэйжунь сделал глубокий вдох, его лицо было белым как бумага. Увидев удивленный взгляд врача, он выкрикнул: — Сию же минуту! Вы не понимаете человеческий язык?!

Но он все же был слабым омегой. Вскоре после этой вспышки силы окончательно покинули его, и он почти без чувств рухнул ко мне на руки. Я слышала, как бешено колотится его сердце, и видела его пылающее лицо с почти остекленевшими глазами.

Наверное, он никогда раньше не был серьезно ранен, оттого так паникует и теряет самообладание аж до того, что забыл: стоит ему только захотеть — и он в любой момент может позвать на помощь семью Карлу. Пусть это и займет время, но уж точно все не будет хуже, чем сейчас.

Человек, который чуть не загнал меня в ловушку, перед лицом смертельной опасности оказывается... обычным человеком. Он не может найти оптимальное решение, паникует и не понимает, что от плохого выбора можно отказаться.

Так Фэйжунь оказался на операционном столе.

Я взглянула на контакт Цзян Сэня в терминале, подумала и отправила ему сообщение.

Через пятнадцать минут из операционной выскочила медсестра и с невероятным напором приказала мне продезинфицироваться, надеть защитный костюм и войти внутрь.

Ну дела. Словно я тут главный хирург.

Я вошла внутрь с видом полного недоумения.

И в операционной я наконец испытала небольшой шок от благородного молодого господина.

— Я убью тебя! Убью! Больно! Как больно! — Фэйжуня держали на операционном столе.

Он был мокрым от пота, его лицо пылало. Прекрасные синие глаза были широко раскрыты,

зрачки сузились до булавочной головки, а щеки были залиты слезами. Ярость и боль довели его до крайней степени неистовства и исступления.

— Больно-о-о! А-а-а! Помогите! Больно! Я вас всех убью! Чэнь Чживэй! Я тебе это припомню!

Его зафиксировали на столе, но тело выгнулось в хрупкой, болезненной дуге, а на ключицах скопились капли пота и... еще больше пота.

Перед лицом боли Фэйжуй сбросил все маски. Его лицо исказилось, некогда мягкий голос стал хриплым и пронзительным. Бесконечные вопли и рычание делали его похожим на истеричного безумца.

Медсестра прикрикнула на меня:

— Временная метка! Быстрее! Успокойте его!

Акт маркировки способен вызвать у помечаемого мгновенное, интенсивное удовольствие и возбуждение, а также породить чувство зависимости и привязанности. В период течки принести облегчение омеге может только полная метка, но в обычное время ее может заменить временная. Однако метка остается просто меткой — она подразумевает недолгое покрытие феромонами, несущими определенную информацию.

Если я помечу его сейчас, мои феромоны будут оставаться на нем в течение трех дней, вызывая отторжение у других альф.

Через три дня метка исчезнет. И дождь прекратится.

Фэйжуй не полностью потерял рассудок. Я заметила, что его вопли и крики стали тише, хотя тело по-прежнему извивалось и дергалось.

Браташка, я тебя понимаю. Ощущать себя рыбой на разделочной доске — так себе удовольствие.

— Не могу. У меня уже есть тот, кого я люблю. Это будет предательством по отношению к нему! — Я сделала паузу, затем добавила: — Нет ли другого способа облегчить его боль? Метка невозможна. Я не хочу метить никого, кроме него.

Медсестра онемела от изумления, уставившись на меня:

— Да ты что, больная? Тут же уже...

— А-а-а! Больно!

Врач, очевидно, в этот момент сделал что-то особенно болезненное, и голос Фэйжуня взвился до небес.

Этот стимул пересилил все его внутренние терзания, потому что я почувствовала, как его взгляд устремился на меня. Врач тоже раздраженно смотрел на меня:

— Можете пометить его или нет? Он уже в таком состоянии, а вы о других омегах думаете?

Тридцать лет на восточном берегу, тридцать — на западном. Наконец-то и моя очередь наступила.

Я изобразила крайнее нежелание, но словно не в силах устоять, несколько секунд молчала. Однако медсестра уже схватила меня и подтолкнула к Фэйжуню.

Едва я приблизилась, Фэйжун стиснул зубы и пристально посмотрел на меня. Его щеки были мокры от слез, и из-за боли он сейчас напоминал бабочку, промокшую под дождем — прекрасную и хрупкую. Его лицо исказила гримаса, и он издал звук, похожий на стон:

— Больно... спаси меня...

— Но я же спасла тебя, разве нет?

Глаза Фэйжуня были красными, губы пересохли. Он придвинулся ко мне, пытаюсь шантажировать:

— Я сейчас в таком состоянии из-за того, что я тебя спас. Ты разве забыла?

Боже правый. Как у тебя только язык поворачивается такое говорить.

— ...Я поняла. — Я закрыла глаза и приблизилась к нему, мои губы почти коснулись его шеи. — Прости. Это все из-за меня. Что бы ты ни потребовала, я все сделаю.

Аромат камелии ударил мне в нос.

<http://bllate.org/book/13204/1339786>